

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д30

Дизайн серии *Виктории Лебедевой*

В книге использованы фотографии *Валерия Плотникова*,
Александра Стернина, а также из личного архива автора
и фондов РИА Новости

На переплете коллаж работы
фотографа *Владимира Васильчикова* и режиссера *Рустама Хамдамова*

Книга издана при участии *Павла Каплевича*, *Сергея Николаевича*,
Кирилла Серебренникова и «Клуба 418»

Демидова, Алла Сергеевна

Д30 Владимир Высоцкий : каким помню и люблю / Алла
Демидова. – Москва : Издательство АСТ, 2020. – 256 с., ил. —
(Алла Демидова. Избранное)

ISBN 978-5-17-118801-6

Знаменитая актриса Алла Демидова работала с Владимиром Высоцким в Театре на Таганке почти 15 лет: со дня основания театра и до самой смерти актера. Их связывали совместные спектакли, концерты, репетиции, поездки на гастроли, годы доброй дружбы. Оттого на страницах этих воспоминаний Высоцкий живой и настоящий. Мы слышим его речь, следим за различными событиями его жизни, включаемся в диалог о любимом артисте его родных и близких. А. Демидова рассказывает о феномене Высоцкого, который заключался не столько в его популярности, сколько в особом свойстве личности актера, многогранности его таланта. При жизни он стал легендой, таящей в себе множество загадок. Эта книга поможет читателю увидеть Высоцкого таким, каким он действительно был в жизни и на сцене.

УДК 821.161.1-94

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118801-6

©А.С. Демидова, 2020

©РИА Новости

©ООО «Издательство АСТ», 2020

Из разговора средневекового философа с сыном:

- Папа, а в человеке есть Бог?
- Есть.
- А в животных есть Бог?
- Есть.
- А в цветах есть Бог?
- Есть.
- А в цветах, которые отражаются в зеркале, есть Бог?

...И я не знал, что ему ответить.

Вступление

ВЫСОЦКИЙ...

Это имя и при жизни было легендой.

После его смерти именем Владимира Высоцкого называют вершины гор, новую планету, морской танкер, театры.

Феномен Высоцкого не только в его неслыханной популярности — это следствие огромного нравственного авторитета, репутации, проповеднического дара. Феномен — в свойстве личности, многогранности таланта.

В одном социологическом исследовании на вопрос: «В чем секрет популярности Владимира Высоцкого?» — на первое место вышел ответ о правдивости его творчества («пел правду», «показал правдиво жизнь», «не боялся сказать правду в глаза», «правда о нашей жизни без сокрытия недостатков» и т.п.). Дальше шли ответы о мужестве, смелости, силе духа («отстаивание принципов», «гражданственность от души, а не по закону», «бескомпромиссность», «смело затрагивал запретные темы», «выражал то, о чем думали все», и т.п.). Третье место отводится близости к реальной жизни («выражает сущность жизни», «умение найти точную характеристику

современной жизни», «жизненная глубина»...). Четвертое место занимает доступность («простое изложение сложных истин» и т.п.). Пятое принадлежит самоотдаче, самосгоранию («вкладывал душу», «выстраданное творчество», «отдавал себя людям», «равнодушно слушать нельзя» и т.п.). На шестом месте стоит близость народу, народность. Далее отмечается искренность, откровенность, открытость, многоплановость, многогранность и т.д.

Для одних он Поэт, бард (кстати, Высоцкий не любил этих слов; он говорил: «Я не бард, не поэт — я сам по себе...»), для других — представитель массовой культуры; одни его хотят сделать знаменем протеста «застойного периода 70-х годов», другие стараются пригласить, затушевать неудобные аспекты его жизни и творчества — убрать ненужные для сегодняшнего дня сложности, компромиссы, уступки из его биографии; одни его помнят по театру, другие пишут о киноработах или исследуют его песенное творчество.

Я тоже не беру на себя смелость целиком охватить многогранность творчества Высоцкого — мне это не по силам...

Мы проработали с Высоцким в Театре на Таганке с 1964 года: со дня основания театра — до Володиной смерти. Много вместе играли, репетировали, ездили на концерты, жили рядом на гастролях. Вот об этом я и хочу рассказать читателям этой книги.

Без театра нельзя понять художественной индивидуальности Высоцкого. Но в театре его видело очень ограниченное число людей. При жизни Высоцкого попасть

на «Таганку» простому зрителю было почти невозможно; в зале сидела так называемая престижная публика, для которой Высоцкий чаще всего был лишь модой.

Театральные критики о Высоцком писали мало: и из-за того, что не сразу обратили на него свое внимание, и из-за запрета публикаций о Театре на Таганке. По этим же причинам нет снятых на пленку спектаклей, где играл Высоцкий.

Остались его киноработы. Большие и маленькие роли. Успешные и менее успешные. Но экран не передает, к сожалению, той психической энергии, которая исходила от Высоцкого на концертах и спектаклях.

Однажды одного известного индийского факира, который на глазах у многотысячной толпы поднимался по веревке в небо, сняли на пленку. Когда проявили материал и посмотрели его на экране, то увидели, что факир сидит в спокойной йоговской позе, рядом с ним лежит моток веревки, а вся многотысячная толпа смотрит в небо. Пленка не зафиксировала гипноза.

После смерти Есенина Маяковский писал: «Сережа как литературный факт не существует. Есть поэт — Сергей Есенин. О том просим и говорить».

Для нас — актеров Театра на Таганке — Высоцкий был Володей, Володечкой, с которым можно было поболтать о чем угодно, посоветоваться, поссориться на репетиции или на спектакле, а после не разговаривать неделю, позлословить с приятелями о его очередных «выходках». Для всей страны он был мифом, легендой. Теперь же те, кто не знал его при жизни, хотят знать

мельчайшие подробности его жизни. Мы же пытаемся разобраться в корнях этой легенды.

Существует расхожая истина: чтобы понять, как человек талантлив, нужно представить его умершим.

Теперь тиражирование его имени вызывает обратную реакцию.

При жизни он пел:

И хоть путь мой и длинен и долог,
И хоть я заслужил похвалу,
Обо мне не напишут некролог
На последней странице в углу —
Но я не жалею*...

После его смерти мы с трудом смогли пробить маленькое сообщение в «Вечернюю Москву» и потом в «Советскую культуру».

Сейчас о нем пишут статьи и книги...

Пусть мои воспоминания послужат разноцветными камешками будущей большой мозаики — жизнеописания Владимира Высоцкого — для грядущего исследователя, которому по плечу будет такая масштабная работа. Ведь мы сейчас знаем о Пушкине больше, чем, например, его ближайший друг Соболевский (который, к сожалению, не оставил о нем своих воспоминаний, хотя, быть может, знал его лучше других). Современникам Пушкина не были известны и его переписка, и его дневники, и его последние работы, оставшиеся в рукописях, — весь

---

* Здесь и далее тексты и названия песен Высоцкого автор дает по памяти или по первоисточникам. — *Ред.*

тот огромный материал, который до сих пор всплывает по листочкам. Спустя полтора столетия...

Я не хочу проводить никаких параллелей, не хочу сравнивать ничьи судьбы. Как сказала в свое время Марина Цветаева: «Дело поэта: вскрыв – скрыть».

А кому раскрывать? Нам, живущим. Времени. Время – самый лучший судья. Оно все ставит на свои места: достойному – воздается, злободневность – забывается.

Контурсы портрета

С чего начать? С того, как Володя пришел в наш только что организованный Театр на Таганке, а перед этим посмотрел дипломный спектакль «Добрый человек из Сезуана» и решил (по его словам) во что бы то ни стало поступить именно в этот театр? Пришел никому не известный молодой актер, сыгравший лишь несколько небольших ролей. Или рассказать о его сияющих глазах, когда он однажды появился в театре в новой вязаной коричневой куртке, перед которой был из искусственного меха? Или о том, как постепенно вырисовывалась внешняя пластика невысокого широкоплечего человека в узких, всегда очень аккуратных брюках (он любил оттенки коричневого), в ярко-красной шелковой рубашке с коротким рукавом, которая так ладно, красиво обтягивала его намечающиеся бицепсы. Как постепенно исчезала одутловатость еще не оформившегося лица и оно приобретало характерные черты — с волевым упрямым подбородком, чуть выдвинутым вперед...

Я не знаю, кому пришла в голову мысль сделать костюмом Гамлета джинсы и свитер. Думаю, это произошло потому, что в то время мы все так одевались.

А Володя за время двухлетних репетиций «Гамлета» окончательно закрепил за собой право носить джинсы и свитер. Только цвет костюма в спектакле был черный — черные вельветовые джинсы, черный свитер ручной вязки. Открытая могучая шея, которая с годами становилась все шире, рельефнее и походила уже на какой-то инструмент, орган с жилами-трубами, особенно когда Высоцкий пел. Его и похоронили в новых черных брючках и новом черном свитере, которые Марина Влади привезла из Парижа. (Я первая написала, что мы хоронили его в костюме Гамлета; потом многие это повторяли, и я хочу внести нужное уточнение.) Над гробом свисал занавес из «Гамлета», и черный свитер воспринимался тоже гамлетовским.

К костюму у него было какое-то особое отношение — и в жизни, и на сцене. Ему, например, не шли пиджаки. И он их не носил — кроме первого, «твидового». Правда, один раз на каком-то нашем очередном празднестве после спектакля, когда все мы уже сидели в верхнем буфете за столами, вдруг явился Высоцкий в роскошном пиджаке — синем блейзере с золотыми пуговицами. Все застонали от неожиданности и восторга. Он его надел, чтобы поразить нас. И поразил. Но больше я его в этом блейзере никогда не видела. Тем удивительнее было для меня его решение играть Лопехина в белом пиджачном костюме, который ему не шел, но подчеркивал какую-то обособленность Лопехина от всех остальных персонажей спектакля и очень помогал ему в роли.

А его неожиданные порывистые движения... Как-то, в первые годы «Таганки», на гастролях в Ленинграде,

мы с ним сидели рядом в пустом зале во время репетиции. Он что-то прошептал мне на ухо, достаточно фривольное, я резко ответила. Он вскочил и, как бегун на дистанции с препятствиями, зашагал прямо через ряды кресел, чтобы утихомирить ярость. Я ни разу от него не слышала ни одного резкого слова, хотя очень часто видела побелевшие от гнева глаза и напрягшиеся скулы. У меня сохранилась фотография; как-то на репетиции «Гамлета» Любимов мне сказал что-то очень обидное, я молча повернулась и пошла к двери, чтобы никогда не возвращаться в театр. Володя схватил меня за руку и стал что-то упрямо говорить Любимову. На фотографии запечатлено это непоколебимое упрямство: несмотря ни на что, этот человек сделает так, как он хочет. Вот эта его самостоятельность меня всегда поражала. Мне казалось, что он в такие минуты мог сделать все. Вообще я думаю, что он ждал счастливого дня, когда сразу делал все дела, которые до того стопорились. Этот счастливый день он угадывал заранее особым звериным чутьем. Я помню, как-то после репетиции он отвозил меня домой, сказал, что ему нужно по дороге заехать в Колпачный переулок в ОВИР за заграничным паспортом. Был летний день. Я ждала его в машине. Пустынный переулок. И вдруг вижу: по этому горбатому переулку сверху вниз идет Володя, такой ладный, сияющий. Садится в машину и говорит: «Сегодня у меня счастливый день, мне все удастся, проси все что хочешь — все могу...»

Однажды, после душного летнего спектакля «Гамлет», мы, несколько человек, поехали купаться в Серебряный Бор. У нас не было с собой ни купальных

костюмов, ни полотенец, мы вытирались Володиной рубашкой. А поодаль, в удобных пляжных креслах, за круглым столом, накрытым клетчатой красной скатертью, в разноцветных купальных халатах сидели французы, пили вино из красивых бокалов. Было уже темно, но они даже не забыли свечку, и эта свечка на столе горела. Мы посмеялись: вот мы у себя дома, и все у нас так наспех, «вдруг», а они — в гостях, и все у них так складно, подмашнему, основательно. Через несколько лет за границей мы с Володей были в одной актерско-писательской компании и все вместе поехали к кому-то в загородный дом. Когда подъехали к дому, выяснилось, что хозяин забыл ключ. Но не ехать же обратно! Мы расположились на берегу реки, купались, так же вытирались чьей-то рубашкой. А рядом благополучная буржуазная семья комфортно расположилась на пикник. Мы с Володей обсудили интернациональное качество творческой интеллигенции — полную бесхозяйственность — и вспомнили Серебряный Бор.

На гастролях у него в номере всегда все было очень аккуратно. Володя любил заваривать чай, и у него стояли бесконечные баночки с разными сортами чая. А когда появилась возможность покупать экзотические вина, он любил красивую батарею из бутылок и не позволял никому дотрагиваться до нее. Все дразнили его за скупость, но он был тверд, а потом, в какой-нибудь неожиданный вечер, всё разом выпивалось — неизвестно с кем, почему, вдруг...

Так о чем написать? И как?